

ОКТАБРЬ 1993 ГОДА

«Судьба Горбачева, которая, как я представляла себе, будет развиваться в духе Шекспира, тремя годами позже пошла в ином направлении, скорее в духе Сименона. Уже не в мрачных коридорах Кремля, а в тесных комнатах подмосковного дома травят — на сей раз просто скукой — эту знаменитую еще четыре года назад чету.

После трех бурных дней военного путча, во время которого самые немыслимые обвинения и разоблачения сыпались одно за другим, противореча друг другу, после этих дней, когда похитители или спасители Горбачева оказались настолько изобретательны, что сдали нервы и у такой внешне сильной и отважной женщины, как Раиса Горбачева (у нее даже парализовало руку), итак, после этих трех дней, когда выяснилось, что можно подорвать, унижить или уничтожить власть Горбачева, но самого его невозможно запятнать, я вновь увидела эту супружескую пару в одном телерепортаже, показанном в невыигрышное время. Рассказывали об их нынешней жизни. Я видела, как они отвечают на вопросы журналиста в каком-то пригороде Москвы. Я вновь увидела их, одиноких и вежливых. Я увидела, как этот всемогущий человек прогуливался по заснеженной пустынной аллее, и лишь собака осмелилась поприветствовать его. Да будет позволено мне сказать: этот человек был надеждой, спасением, спасителем, освободителем целого народа, и он вызвал в мире изумление, энтузиазм, но и величайшее недоверие. Помнят ли теперь, что с 84-го по 89-й год ни о ком не говорили и не спорили так много во всем мире, как о Горбачеве? Самый любимый одними герой, самый страшный для других, самый почитаемый, самый ненавистный? Помнят ли сейчас все те споры, которые разгорались в ту пору по его поводу? А как осторожные люди говорили: «Очередная уловка русских! Вы еще увидите вашего Горбачева с

танками у Триумфальной арки». Вы думаете, что после 75 лет своего существования коммунизм рухнет со дня на день? Наивные!»

Я принадлежала к числу наивных. И до сих пор я из их числа — наивных и признательных. Впрочем, все те же люди, которые изображали Горбачева новым Макиавелли, хитроумным фанатиком, сегодня говорят о нем как о безличном политике, маргинале Истории, случайном человеке, марионетке без великих основополагающих идей, как о пешке, просто-напросто появившейся в нужный момент. Они заявляют все с тем же пылом: «Ну что вы, коммунизм был обречен! Об этом было известно всему свету! Это носилось в воздухе. Горбачев всего лишь на протяжении нескольких месяцев представлял массовое, неизбежное восстание жертв сталинизма. В лучшем случае, он ускорил ход событий. Да и то неизвестно!.. Другой на его месте не хуже бы справился с этой задачей. Доказательство? А восставшие страны Восточной Европы, которые встряхнулись без всякого Горбачева? Нет, коммунизм умер еще до него!» Естественно, этим людям можно было бы возразить: «Да, но дело-то сделал именно он. Да, действительно, надо было отбросить 75 лет страха и недоверия. И именно он сделал это. И именно он ошеломил всех в один прекрасный день словами об атомной угрозе, об ужасах войны и о праве людей жить в мире. Именно он сказал об этом так взволнованно и искренне, что убедил сильных мира сего. И именно он решил — в отличие от своих предшественников — не посылать русскую армию на усмирение демократических инстинктов в те самые страны Восточной Европы, когда ветер свободы, поднявшийся благодаря ему в России, взметнулся на улицах Праги и Будапешта...»

Есть все же некоторые шансы на то, что вначале умолчание, а затем клевета не смогут запятнать навечно его личность и его участь, не докажут нам, что Горбачев, убежденный сталинист, затем фанатик, рядящийся в демократические перья, все время своего правления пускал пыль в глаза всему миру, а главное, одурачил русских под предлогом их освобождения. (О божественное одурачивание, такое редкое в наши времена!) Может быть, все-таки теперь, когда из этого человека с веселой улыбкой и живыми глазами

пытаются сделать неуклюжего карьериста или буйнопомешанного, когда знаменитое родимое пятно, виднеющееся из-под шляпы, становится стигматом его вероломства, хоть кто-нибудь из нас, устав от приговоров без суда и суда без защитников, — вспомним, с каким изумлением, облегчением и восхищением мы смотрели на этого человека. Этот человек, для которого путешествие в Нью-Йорк или в Париж было обычным восьмичасовым или трехчасовым полетом, вернул России ее место в наших сердцах и ее место на географической карте, восстановив географию прошлого: расстояние от Парижа вновь стало 4 тысячи километров. Конечно, слишком много для Бальзака и пани Ганской, когда они были в разлуке, слишком много для Наполеона после Березины, но совсем немного для Тургенева, жившего на две столицы, и для Троицкого, нашедшего прибежище, как и все студенты и вольнодумцы того времени, в Париже.

Горбачев — приятный человек; это редкость среди политиков из Европы, да и других континентов. Он напомнил нам, что русская душа по своей сути ближе нам, чем американская, что Толстого мы чувствуем лучше, чем Дос Пассоса, а Ивана Ильича лучше, чем Бэббита, и что даже если князь Андрей мог бы быть героем Фицджеральда, русские ржаные нивы все же в три раза ближе к нашим пшеничным полям, чем нескончаемые кукурузные плантации Айдахо. В конце концов, Санкт-Петербург был построен 22-летним французским архитектором и 25-летним итальянцем, и с эстетической точки зрения этот город ближе нам, чем Сан-Франциско. Конечно, я не утверждаю, что Горбачев задумывался над этим, но нас он заставил задуматься. Он вернул нам цивилизованную идею старой Европы, включающую в себя Россию, ту Россию, которую со времен «Войны и мира» мы представляли себе лишь по кино.

Раиса также была приятной женщиной, с мужем она, судя по всему, прекрасно ладила, однако с холодным снобизмом третировала госпожу Рейган, которая явно не нравилась ей (об этом наперебой кричали журналисты). И инстинктивно мы были на стороне Раисы, которая следовала за мужем, разделяя его взгляды, а не на стороне Нэнси Рейган, которая шла впереди мужа и

диктовала тому, что он должен сказать. А сдержанная и натянутая улыбка Раисы выглядела, пожалуй, естественнее, чем безупречно ровные зубы, показанные в американской улыбке госпожой Рейган. Ее улыбка действительно была жестокой. Да только, когда Горбачев попросил у Рейгана и у Европы помощи, чтобы накормить свой народ, свою роль сыграла геополитика. И, разумеется, вновь обретенные союзники, фанатики Горби, самые просвещенные и внимательные к усилиям советского лидера главы государств не сделали того, что надо было сделать. Слишком много они мялись, раздумывали, колебались, настолько долго, что у Горби уже не оставалось шансов. Одежды спасителя он был вынужден сменить на шкуру козла отпущения. Другие люди вытолкнули его и заняли его место. И вскоре вслед за теми же умствованиями к власти придет армия. Голодная армия, которой не платят зарплаты, потерявшая ориентиры и убеждения, воевавшая в Афганистане и вернувшаяся к разбитому корыту. Эта армия **БУДЕТ ОБЯЗАНА** взять власть. И ей не избежать фашистских или коммунистических искушений, порожденных сочетанием нищеты и силы.

Страна, где там и сям старые заброшенные атомные заводы ежедневно несут смертельную опасность, раздробленная страна, жители которой ненавидят друг друга, страна — обладательница несметных гор оружия, жертва юридической ошибки, затянувшейся на 75 лет, ставшая наконец демократической, нынешняя Россия подобна неправомерно осужденному человеку, которого наконец выпустили на волю: он вновь стал свободным, но гол как сокол, не имеет за душой ничего, кроме силы да покорности. Невинный голодный человек, не имеющий ни цели, ни средств, оборвавший все связи. Миллионы людей могут выжить, полагаясь единственно лишь на собственную изворотливость, во всяком случае, на самих себя. Они, эти люди, члены взорванного и нестабильного общества, где единственной организованной и деятельной группировкой является всемогущая мафия.

Горбачев, который еще жив, скорее всего, только благодаря всемогуществу сегодняшних массмедиа, в частности, телевидения в

современном мире, Горбачев, чье отсутствие, если можно так выразиться, уж слишком бросилось бы в глаза, — видит все это. С каким чувством? Что хуже: обладать властью, при которой вам ничего не разрешено, или расстаться с этой властью? Усмехается ли он с грустью при виде такой же беспомощности Ельцина? Помимо прекрасных надежд, которым минуло пять лет, чувствует ли он свою ответственность за страшные блуждания нынешней России?

Это было бы его ошибкой. Горбачев был человеком этого века, в хорошем смысле слова. Он был первым среди зловещих старцев, Брежнева, Хрущева и так далее, чьи лица были изваяны на Урале как символ тирании — подобно лицам американских президентов, высеченным в Скалистых горах как символ демократии. Он был первым русским президентом с человеческим лицом.

Горбачев остается человеком, совершившим самое немыслимое, самое желанное, самое отчаянное освобождение. Он разбил оковы, сорвал тяжкое иго, под которым пребывали люди, удерживаемые страхом, целых 75 лет. Он освободил их решительно и очень быстро, не пролив при этом ни единой капли крови. И за это — низкий ему поклон! Bravo! Ура! Спасибо, Горбачев...